

УДК 830 – 1. 035

ЭЛЬЗА ЛАСКЕР-ШЮЛЕР В ПЕРЕВОДАХ В. Л. ТОПОРОВА

Пилипенко О. В., аспирант

Запорожский государственный университет

Немногие отечественные мастера художественного перевода занимались поэзией немецкого экспрессионизма. В нашей работе мы обратимся к наиболее известным переводам поэзии одной из самых ярких представителей немецкого экспрессионизма Эльзы Ласкер-Шюлер. Мы сравним художественный уровень переводов и оригинальных стихотворных произведений, которые вошли в сборник «Menschheitsdämmerung», вышедший в 1919 году в Германии и который был полностью переведен В. Л. Топоровым.

Поэтический текст представляет собой особую сложность для перевода, особенно если речь идет о художественной практике экспрессионизма. Поэзия изобилует абстрактными образами, дает многочисленные примеры создания неологизмов, употребления устаревшей лексики, отмечается интересным композиционным построением. В данном случае огромное значение для правильной интерпретации текста переводчиком имеет изучение писательской манеры, его мироощущения, понимание чувств и переживаний, которые вызвали строки к жизни. Это позволяет переводчику сформировать образ самого автора и из огромного числа интерпретаций одной строки выбрать ту одну, которая наиболее отвечает намерениям автора.

Топоров известен не только как переводчик поэзии экспрессионизма, но и как исследователь этого литературного течения, которое в своей вступительной статье он назвал «белым пятном на поэтической карте мира»[1; 5]. Ему характерно тонкое понимание поэзии переводимого автора, желание передать мысли и настроения, вызываемые подлинником, его неповторимую художественную форму.

Наиболее удачные переводы Топорова - стихотворения из цикла «Hebräische Balladen», который полностью вошел в вышеупомянутый сборник. Второй раз в истории немецкой литературы после поэтов «Бури и натиска» к библейской теме обращается Э. Ласкер-Шюлер, но на сей раз ее пленяет буйство красок ветхого завета:

Rebekkas Magd ist eine himmlische Fremde,
Aus Rosenblättern trägt die Engelin ein Hemde
Und einen Stern im Angesicht. [2; 296]
Служанка Ревекки небес жилища,
Звезду на челе таит ангелица
И роз лепестки ей на платье пошли. [1; 83]

В еврейских балладах мы сталкиваемся с ритмом и интонациями псалмов, что прекрасно воссоздает Топоров в своих переводах:

Abraham baute in der Landschaft Eden
Sich eine Stadt aus Erde und aus Blatt
Und übte sich mit Gott zu reden. [2; 294]
Авраам в краю Эдем построил
Град для себя из земли и листа
И способ беседовать с богом освоил. [1; 82]

Читатель как бы принимает участие в сотворении мира. «Еврейские баллады» - это не обычный стихотворный пересказ ветхого завета, а отражение настоящего, прошлого и будущего в фантазии автора. Ласкер-Шюлер вплетает в ветхозаветное полотно свои чувства, переживания, мечты. Порою трудно отделить образ лирического героя от образа самого автора:

Pharao ist vom Gold.
Seine Augen gehen und kommen
Wie schillernde Nilwellen.
Sein Herz liegt aber in meinem Blut. [2; 229]
Фараон сотворен из золота.
Очи его то ближе, то дальше,
Как переливчатые воды Нила.
Но сердце его угнездилося в моей крови. [1; 85]

Поэтесса создает сказочно-одурманивающую атмосферу прошлого. Для ее создания автор использует устаревшую лексику: die Magd, salben; историзмы: die Cananiter, die Hethiter. Нужно отметить, что в переведенном варианте мы находим большее число примеров употребления устаревшей лексики: лоно, осанна, град, днесь, палица, злато и т. д., что не нарушает художественную ткань стихотворений:

Иосиф ангела не зрел, что реял прежде в сини,
И плакал, ибо пред отцом покаялся он ныне,
И сердца смутного кокос искал в местах глухих. [1; 84]

Наиболее интересным из этого цикла нам представляется стихотворение «Mein Volk», которое является глубоко интимным. Здесь снова звучит тема еврейского народа и тесной связи поэтессы со своей духовной родиной. В это же время она затрагивает тему непростой судьбы поэта. Путь поэта – это путь ручья к морю, который он прокладывает в одиночку. Она оплакивает свое изолированное существование вдали от родины, осознает себя частью гонимого судьбою народа. Переводчик точно передает внутреннюю насыщенность, настроение произведения. Хотя следует отметить некоторые неточности в переводе, которые касаются временной перспективы:

... Und meine Gotteslieder singe
jäh stürz ich vom Weg... [2; 292]
и песнь о бже моя зазвучала
Я ринулась круто с пути. [1; 81],

или в стихотворении «Versöhnung»:

Es wird ein grosser Stern in meinen Schoß fallen. [2; 291]
Большая звезда падает в мое лоно. [1; 80]

Это вполне оправдано, так как не искажает авторских намерений и таким образом переводчик избегает тяжеловесности звучания.

В последнем четверостишии Топоров изменяет порядок расположения строк:

Wenn schauerlich gen Ost
Das morsche Felsbein,
Mein Volk,
Zu Gott schreit. [2; 292]
Когда воззрясь на восход,
Мой народ,
Утеса искошенный прах,
Бога истошно зовет. [1; 81]

Другие примеры этого же приема мы находим в следующих стихотворениях:

Hast du die Süßvögel erschlagen
In deines Bruders Angesicht?! [2; 293]
Ужели на лике родного брата
Ты птиц сладкоголосых убил?! [1; 81]

Aus Rosenblättern trägt die Engelin ein Hemde
Und einen Stern im Angesicht. [2; 296]
Звезду на челе таит ангелица,
и роз лепестки ей на платье пошли. [1; 83]

In edlen Wettlauf mit den wilden Herden
Trieb sie die Silberziegen vor die Stadt hinaus. [2; 304]
И гонит коз серебристых, и спешат,
Чтоб обогнать коней, все животные в стаде. [1; 88]

В большинстве случаев переводчик прибегает к этому приему, чтобы сохранить рифму, стихотворный ритм произведения, что опять-таки позитивно для сохранения формы оригинала. Прибегать к этому приему позволяют особенности творческого стиля поэтессы: частое использование строчного переноса, что придает повествованию предельную драматичность и позволяет переводчику, не изменяя смысла сказанного, менять местами части предложения, хотя в этом случае не исключено, что акценты в переводном варианте могут измениться. Вторая особенность, о которой речь будет идти и далее, это отсутствие логического хода событий. Мысли и чувства не выстроены в четкую линию, они как бы возникают, перебивая друг друга. У них нет длительности, развития, продолжения, они не имеют своего исхода. Нет четкого порядка построения. Ассоциации, видения, образы накатываются, обрывая предыдущие:

Dein Volk ist aus Lied geformt,
Ich traue, wenn du schweigst.

Singen hängt überall an dir –
 Wie du wohl träumen magst? [2; 179]
 Слова свои ты мастеришь из песен,
 Печалюсь я, коль ты смолкаешь.
 Пение всюду тебя облепляет-
 А ты, ты любишь ли все эти грезы? [1; 77]

Не менее интересно сравнение подлинника и перевода одного из самых известных стихотворений Э. Ласкер-Шюлер «Weltende». В лирике немецкого экспрессионизма часто встречается мотив конца света, в большинстве случаев как предсказание первой мировой войны. У Э. Ласкер-Шюлер это скорее метафорическое описание настоящего, которое сулит ей только одиночество. Тема Бога, которая не встречается так часто ни у одного поэта эпохи, звучит также и в этом стихотворении. Текст имеет трагическое звучание. Это один из лучших переводов Топорова. В характерной ему манере он стремится сохранить форму произведения, которая является важным стилистическим элементом. Стоит, однако, усомниться в правильности употребления в последней строке условного наклонения:

Du! wir wollen uns tief küssen-
 Es pocht eine Sehnsucht an die Welt,
 An der wir sterben müssen. [2; 149]
 Пойми! Мы хотим целоваться в засос.
 Тоска в этот мир стучится-
 Как бы нам от нее умереть не пришлось. [1; 75]

Переводчиком найдена точная рифма, но в этом случае нарушено намерение автора. Это не предположение, как переводит это предложение переводчик, а твердая уверенность, что без сомнения усиливает трагичность происходящего. Даже любовь не в силах спасти лирического героя.

Еще одно из известных стихотворений Эльзы Ласкер-Шюлер вошло в сборник «Сумерки человечества» и было блестяще переведено Топоровым. Оно посвящено поэту-экспрессионисту, другу поэтессы Г. Бенну и является ярким образцом любовной лирики Э. Ласкер-Шюлер. Это стихотворение нельзя считать автобиографичным, несмотря на полное отождествление поэтессы себя и лирического героя. Для Ласкер-Шюлер это была своего рода церемония давать ласкательные имена своим друзьям.

Перевод полностью сохранил пластичность языка оригинала, и в некоторых моментах даже превзошел подлинник:

Alle Blüten täte ich
 zu deinem Blut. [2; 204]
 Я краски всех цветочных лепестков
 В багрец твоей крови смешала б. [1; 78]

 Alles ist tot
 Nur du und ich nicht. [2; 205]
 Все- мертвая материя
 Только не ты и не я. [1; 79]

Вокабуляр перевода более изыскан, хотя и не так лаконичен и точен как лексика оригинала. Перевод точно передает атмосферу душевных мук, одиночества, быстро сменяющуюся настроением ожидания, надежды, конкретное быстро сменяет абстрактное. В этом стихотворении четко прослеживается особый стиль поэтессы: мысли порою незакончены, отрывочны; места, занимаемые отдельными строками, кажутся случайными, незакономерными.

Стилю поэтессы присуще смелое стихотворчество:

Ich bin vielreich
 Niemandwer kann mich pflücken. [2; 204]
 Я многобогата
 Никто угодно меня не сорвет. [1; 78]

В данном случае переводчик использует неоднократно проверенный им прием самого автора: goldgedichtete Glieder -златомечтанное тело; buntumschlungen -в пестроте нерасторжимы. В иных случаях переводчик использует стилистически не окрашенную лексику: Immerblau -вечная синь; allerlanden - повсюду; Gottjungling-Бог-юноша, Бог-отрок.

Необычно композиционное построение: нет рифмы, различное количество слогов в строке, но постоянные переносы, интонация, четкое деление на строфы создает стихотворный порядок.

Наиболее сложным для переводчика является стихотворение «Ein alter Tibetteppich», которое принято считать одним из лучших примеров немецкой любовной лирики. Karl Kraus сказал: «За эту жемчужину из девяти строк, я отдам всего Гейне...для меня это самое восхитительное и волнующее стихотворение,

которое я когда-либо читал. Немного есть стихов у Гете и других поэтов, в которые также как в тибетский ковер были бы вплетены чувство и звучание, слово и образ, язык и душа». [3; 191] Э. Ласкер-Шюлер апеллирует ко всем чувствам: «Srahl in Strahl», «Sterne», «Farben» – ласкают взор, «unsere Füße ruhen auf der Kostbarkeit» – для улады тела, «Moschuspflanzenthron» – и читатель вдыхает дурманящий аромат. Перевод обладает всем обаянием оригинала – мира грез, где все дышит любовью, кричит о ней. Что касается формы произведения, которая играет очень важную роль, то с этой точки зрения перевод нельзя назвать адекватным. Если в начальных двух строках мы наслаждаемся точной, изысканной рифмой, то последняя строфа оригинала, чарующая внутренней рифмой: Sohn – Thron, lange – Wange, Munt – bunt; ассонансом – süßer, küßt, buntgeknüpfte, в переводе выглядит абсолютно бесцветно. Для передачи неологизма himmellang найдено адекватное выражение – «во все небо», но более сложный неологизм Maschentausedabertausendweit, содержание которого предельно насыщено, что Топоров стремится передать его через звуковой повтор:

Наши стопы топчут петель пестрый ряд –
Мириады тысяч, тыщи мириад. [1; 76]

и не добивается нужного эффекта сжатости, точности, лаконичности и незабываемого впечатления от прочитанного. Язык произведений Э. Ласкер-Шюлер необычайно насыщен. Сложно отыскать в русском языке адекватные выражения, передать смысл слов, часто несущие смысл целых предложений, хотя Топоров почти всегда справляется с этой задачей. Например, немецкий глагол может иметь в тексте более широкое семантическое значение, чем просто процесс или действие: klagen – жалобно изливать, streuen – расстилать пологом, ruhen – отрадно покоиться, sich füllen – полниться слада. Перевод глагола через глагол + (очень часто) наречие полностью передает содержание оригинала.

Уровень переводов Топорова, в основном, одинаков, но есть ряд несоответствий подлиннику, которые затрудняют восприятие. Как уже было сказано выше, поэзия экспрессионистов крайне образна и вряд ли стоит дополнять ее перевод еще более сложными образами:

Wenn die Tode vor meinen Herzthoren ste'n
Und mit der Kraft meiner Seele ringen. [2; 59]
Когда лики смертей жар сердца взыск уют
И по душе тяжким млатом быют. [1; 75]

Und schwingt mi fünfmalhunderttausend Mann die Keulen. [2; 301]
Он машет палицей тысячекратной. [1; 86]

Есть в переводах и часть чисто лексических несоответствий:

Und ihre sanften Händen lesen
Aus goldenen Linsen ein Gericht. [2; 296]

И приговоры небесных знаков
Эти руки в златых чечевичках прочли. [1; 83]

Очевидно, что речь идет о приготовлении пищи и в тексте употреблен глагол «lesen» в его втором значении – «перебирать», что ясно из последней строки.

В стихотворении «An Gott» союз «wenn» переведен как «там», хотя его значение в этом случае остается условным «если», что ясно из контекста.

Топоров творчески подходит к процессу перевода, чем подтверждает мысль Л. Гинзбура о том, что «в наше время происходит знаменательный процесс слияния переводческого и оригинального творчества, при котором мастер художественного перевода ставит перед собой чисто читательские задачи, а писатель, отвлекаясь от собственной книги для перевода чужой, не выступает в некоем новом для себя качестве, а продолжает свой писательский труд, только на ином материале». [4]

В случае если переводчик угадывает намерения автора, вышеуказанное явление является безусловно положительным:

Bis meine Lippen sich wieder färben – Покуда на этих устах не станет улыбка играть; Daß blau zu blühen jedes Herz vermag. – Чтобы вдохнуть биение жизни в плоть.

Если же переводчик неправильно интерпретировал намерение автора, то слово либо вся строка не гармонирует с тканью всего стихотворения:

Zwischen meinen Lippen – меж движущихся губ; und neu Leben anstimmt /In meinem Herzen – и снова жизнь дудит/ неясный напев в сердце моем; Aus mannigfaltigem Abschied – из падающей завесы прощанья.

Как следует из всего вышесказанного, несмотря на некоторые неточности и не всегда ровный уровень переводов, Топоров, без сомнения, переводчик тонкочувствующий и глубокопонимающий поэзию экспрессионизма. Немецкий экспрессионизм дал богатый материал для мастеров художественного перевода, что дает надежду на появление новых, еще более приближенных к оригиналу работ переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма /Сост. В.Л. Топорова - М., 1990.-271с.
2. Lasker-Schüler E. Gesammelte Werke in drei Bänden.-1.Bd.-Frankfurt am Mein. 1996.-440 S.
3. Giese P. C. Interpretationshilfen. Lyrik des Expressionismus.-Stuttgart; Dresden.-1992.-230 S.
4. Гинзбург Л. Высокое искусство перевода // Литературная Россия.- 30 сентября 1977.